

МАРИЯ ЛЮБИМОВА,
Руководитель практики
«Международный арбитраж
и трансграничные споры»
КА «Регионсервис»

АЛЕКСАНДР КОЗЫРИН,
Юрист КА «Регионсервис»

АЛЕКСАНДРА ЛОБАЧЕВА,
Юрист КА «Регионсервис»

Вновь к актуальности эстоппеля

В российском праве наблюдается беспрецедентный расцвет институтов, связанных с проникновением за рамки конструкции юридического лица. Например, широкое развитие получила субсидиарная ответственность в банкротстве, а Верховный Суд РФ сформулировал жесткий стандарт доказывания при обосновании добросовестности выдачи займа участником корпорации¹. Защита корпоративного доверия, справедливости, исполнения обязанностей мажоритарных акционеров в пользу миноритарных и прочих механизмов важна и должна развиваться путем «тонкой настройки» через судебную практику. В то же время, по мнению авторов статьи, в условиях кризиса требуется более аккуратный подход к защите указанных ценностей.

Если уместна аллегория, капитаны больших кораблей, подобных «Титанику», должны думать не только о том, как установить среди пассажиров корабля справедливость, но и о том, что корабль должен в принципе оставаться на плаву. Иначе сил плыть не хватит, и он остановится на очередном айсберге.

Одним из институтов, наглядно демонстрирующих применительно к корпоративному праву проблему баланса интересов, является эстоппель. Весной 2020 г. Девятый арбитражный апелляционный суд, а следом и кассационная инстанция утвердили правовые позиции относительно применения эстоппеля в корпоративных отношениях. Дело вели представители Коллегии адвокатов «Регионсервис».

В силу поддержания конфиденциальности данных клиента в статье не указан номер этого дела, но все правовые позиции раскрыты строго в соответствии с судебными актами².

Для начала обозначим фабулу дела и ее связь с проблемами применения принципа эстоппеля.

Акционерное общество предъявило иск обществу с ограниченной ответственностью (далее – Общество). Истец (мажоритарный участник АО) потребовал взыскать прибыль, распределенную по решению собрания. Это решение не было своевременно исполнено директором Общества (по совместительству его миноритарным участником с долей в 1 %, голосовавшим против распределения прибыли).

¹ Пункты 1 и 2 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020). — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344078/

² Подробнее об этом см. в пресс-релизе о деле. — <https://www.region-service.com/news/kassatsionnyy-sud-podtverdil-pravo-investora-100-protstentov-aksiy-kotorogo-prinadlezhat-subektu-ros/>

В суде первой инстанции ответчик сослался на то, что решение собрания имело ряд пороков: были нарушены процедура созыва, правила составления протокола, принятые решения не были подтверждены способом, установленным уставом Общества. В связи с этим ответчик настаивал на признании решения собрания недействительным. Суд первой инстанции согласился с его аргументами и отказал истцу в удовлетворении иска, констатировав ничтожность решения собрания на основании ст. 181.5 ГК РФ.

Однако помимо указанных ответчиком формальных нарушений имелись и другие обстоятельства по делу. Так, директор Общества-ответчика лично присутствовал на спорном собрании, после чего в течение длительного времени не выдвигал никаких возражений и вел документы Общества, отражая по итогам собрания результаты в годовой бухгалтерской отчетности. Кроме того, ответчик выдвинул еще одно возражение по существу. Он настаивал на том, что выплатить прибыль невозможно, так как это повлечет за собой возникновение признаков банкротства Общества (п. 2 ст. 29 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Как видно из обстоятельств дела, перед судом апелляционной инстанции встала необходимость оценить противоречивое поведение директора. Рассмотрев дело, суд сформулировал несколько важных правовых позиций. Прежде чем оценить их, обратимся к проблемам применения эстоппеля в российском праве. Принцип эстоппеля (*estoppel*) исторически появился в Англии и Уэльсе в связи с нарастающей проблемой излишней жесткости норм общего права, которые связывали возникновение обязанностей сторон только с моментом заключения договора и наличием встречного предоставления (*consideration*) без учета множества аспектов преддоговорного поведения³. Применение принципа эстоппеля позволило снизить остроту данной проблемы, поскольку он подразумевает запрет стороне правоотношений ссылаться на непоследовательное и противоречивое поведение⁴.

По мнению авторов, возможность применения принципа эстоппеля нужно соотносить с риском возникновения правовой неопределенности. Такой риск можно снизить путем установления четких критериев для использования рассматриваемого принципа.

Пожалуй, наиболее авторитетной стала позиция, изложенная в Принципах УНИДРУА-2010 и Модельных правилах европейского частного права, согласно которой сторона правоотношений может ссылаться на эстоппель при соблюдении трех условий: наличия доверия относительно определенных обстоятельств, вызванного действиями другой стороны; разумности такого доверия; наличии ущерба, возникшего в результате того, что лицо действовало, основываясь на доверии^{5,6}.

В целом указанная позиция была воспринята в России, ее особенностью в нашей стране стало закрепление конкретных эстоппелей в отдельных правовых институтах. Такие специальные нормы содержатся в разделе Гражданского кодекса РФ о недействительности сделок (например, п. 5 ст. 166 или п. 3 ст. 173.1 ГК РФ), а также в разделах об отдельных видах договоров (например, п. 3 ст. 720 ГК РФ)⁷. Тем не менее суды не ограничиваются этими нормами и часто применяют эстоппель со ссылкой на ст. 10 ГК РФ. В результате различного понимания правовых оснований для применения эстоппеля в судебной практике наблюдается путаница. Есть судебные акты, где использование эстоппелей подтверждается только специальными нормами, но есть и другие — где эстоппель выводится универсально через запрет злоупотребления правом. В связи с этим в отдельных случаях все три критерия, установленные Модельными правилами и Принципами УНИДРУА, не применяются. Таким образом, сейчас в российской доктрине актуален вопрос: можно ли отказать в использовании права в силу эстоппеля, если лицо не создало атмосферу разумного доверия и злоупотребление правом с его стороны является очевидным⁸?

³ *Wilson v. Kingsgate Mining Industries* [1973] 2 N.S.W.L.R. 713 // Wilken S., Ghaly K. Op. cit. P. 37.

⁴ Например, см. характеристику эстоппеля в российском праве в статье Т.П. Подшивалова и К.А. Роор. // Информационно-аналитический портал «Предпринимательство и право» от 14.04.2017. — <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8658>

⁵ Пункт 2 ст. 1-1:103 «Добросовестность и честная деловая практика» Модельных правил европейского частного права (Draft Common Frame of reference): «...поведением, противоречащим добросовестности и честной деловой практике, является, в частности, поведение, не соответствующее предшествующим заявлениям или поведению стороны, при условии, что другая сторона, действуя себе в ущерб, разумно положила на них».

⁶ Ст. 1.8 «Несовместимое поведение» Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА-2010: «...сторона не может поступать несовместимо с пониманием, которое она вызвала у другой стороны, и последняя, полагаясь на это понимание, действовала разумно себе в ущерб».

⁷ Более подробно см.: Сколько у нас случаев *estoppel* в законах? // Блог Семенцова П.Н. Правовой-информационный портал «Закон.ру» — https://zakon.ru/discussion/2015/6/17/solko_u_nas_estoppel__v_zakonaх

⁸ Более подробно см. в разделе «п» Комментария к ст. 10 ГК РФ («Эстоппель без доверия: возможно ли это?») // Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса. — Том 5. — Комментарий Карапетова А.Г., Федорова Д.В. — С. 803.

В деле, о котором говорится в статье, речь идет о классическом случае из числа предусмотренных Модельными правилами и Принципами УНИДРУА. Рассмотрим значимые правовые позиции, которые были сформулированы судом апелляционной инстанции в конкретном деле для случаев с применением всех трех критериев.

Требования к решению собрания vs подтверждение решения собрания собственным поведением

Прежде всего дело стало примером применения эстоппеля как широко сформулированного запрета ссылаться на противоречивое поведение без ссылок на специальные нормы. Во-первых, поведение ответчика послужило для истца основанием для того, чтобы полагаться на действительность решения, ведь директор Общества подтверждал итоги собрания в документах. Кроме того, он лично присутствовал на том собрании и, как представитель ответчика, должен был сразу указать на нарушения. Во-вторых, доверие со стороны истца можно считать разумным, поскольку директор своим молчанием на собрании не только подтверждал действительность его решения, но и в течение долгого времени вел документы по его итогам. В-третьих, результатом того, что истец полагался на поведение ответчика, стало получение им ущерба в виде отсутствия прибыли, а затем и действительной стоимости доли при подаче заявления о выходе из Общества. Таким образом, все три критерия были отмечены судом, а эстоппель выведен из принципа добросовестности.

Из близких к изложенной ситуации специальных норм в российском законодательстве есть только норма п. 2 ст. 181.4 ГК РФ: «Решение собрания не может быть признано судом недействительным по основаниям, связанным с нарушением порядка принятия решения, если оно подтверждено решением последующего собрания, принятым в установленном порядке до вынесения решения суда». В рассматриваемом деле последующее решение собрания отсутствовало.

В то же время на примере еще одной правовой позиции из дела можно показать, что применение эстоппеля не должно проводиться излишне широко.

Наличие ущерба и субсидиарный характер норм об эстоппеле

Дополнительный довод ответчика заключался в том, что выплата прибыли была невозможна в силу п. 2 ст. 29 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», то есть

из-за возникновения у общества в этом случае признаков банкротства.

Помимо решения казуса прямо по указанной норме Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» ситуация интересна и с точки зрения эстоппеля. Возникает вопрос: причинен ли поведением ответчика ущерб, наличие которого служит основанием для блокирования его права на основании эстоппеля (подтверждение решения собрания по распределению прибыли в годовой бухгалтерской отчетности и затем заявление требования о признании его ничтожным)?

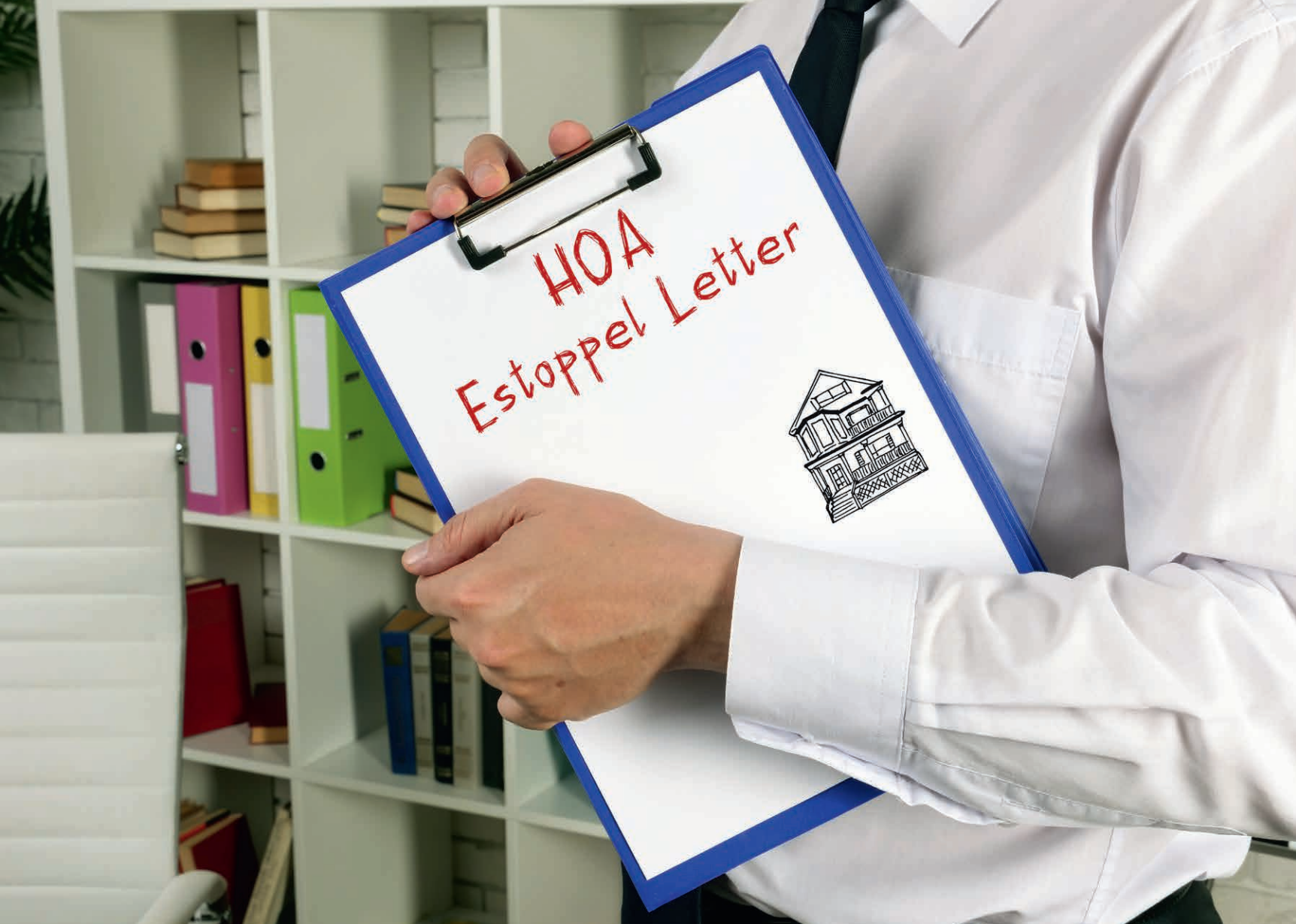
Безусловно, в рассматриваемом деле имелся ущерб в виде невыплаченной прибыли. Но в похожих делах возможен и другой сценарий: если не признать оправданным противоречивое действие, размер ущерба может увеличиться. Юридическое лицо может стать банкротом, а там уж и рукой подать до того, что сам истец понесет еще больший ущерб.

Представляется необходимым оценивать проблему шире. Как в случаях с субординацией займов и субсидиарной ответственностью, речь идет не только о том, что надо защищать добросовестность, справедливость, доверие и прочее, но и учитывать проблему распределения рисков от вмешательства суда в корпоративные отношения. В условиях российского корпоративного права такие возможности судебного вмешательства должны аккуратно ограничиваться. В практике Верховного Суда уже имеется основа для таких ограничений: подобным образом ограничена возможность использовать иски об исключении участника из общества (абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ). Сначала в п. 35 Постановления Пленума от 23.06.2015 № 25 появился ряд ограничительных критериев⁹, затем идея была продолжена в п. 7 Обзора судебной практики по хозяйственным обществам от 25.12.2019¹⁰. Это позволяет сделать следующий вывод: в целом Верховный Суд подтверждает, что риски от корректировки судом корпоративных отношений достаточно высоки.

На наш взгляд, аналогичная логика должна быть применена к эстоппелю. Подобно тому, как иски об исключении из общества были сделаны Верховным Судом крайним средством разрешения корпоративных споров, эстоппель также должен

⁹ Пункт 35 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ef8b3fc29212d069e19db14fe2edc70b3d6b37c/

¹⁰ Пункт 7 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019) — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341476/

стать субсидиарным средством защиты. Такое решение авторитетно поддерживается и позицией о субсидиарном характере эстоппеля в российской доктрине¹¹. Но основные шаги к занятию подобной позиции, конечно, возможны только в дальнейшей судебной практике.

В рассматриваемом деле суд признал довод о наступлении банкротства в случае распределения прибыли заслуживающим внимания. Но поскольку участник, потребовавший распределения прибыли, заявил о выходе из общества и необходимости выплатить ему действительную стоимость доли, определяющей в деле стала оценка расходов.

Суд первой инстанции отказал в иске, указав, что размер прибыли и стоимость доли вместе составляют сумму, указывающую на наличие у общества признаков банкротства. В то же время было учтено, что обязанность выплатить стоимость доли не наступила к моменту наступления обязанности выплатить прибыль. В итоге апелляционный суд не согласился с аргументом о возможном

банкротстве, поскольку без учета стоимости доли выплата не могла стать теми расходами, которые довели бы общество до банкротства. Для применения эстоппеля не оказалось препятствий, и он был использован как субсидиарное средство защиты, когда в наличии имеются все критерии: доверие другой стороны, разумность этого доверия и наличие ущерба от действий ответчика.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение принципа «эстоппель» в корпоративных спорах лучше осуществлять в определенных рамках, которыми могут выступать критерии, сформулированные на уровне Принципов УНИДРУА-2010 и Модельных правил европейского частного права. Подход, избранный российским законодателем (закрепление специальных норм об эстоппеле по конкретным ситуациям со сделками и договорами при наличии «резервного» эстоппеля через ссылку на ст. 10 ГК РФ) и поддержанный судебной практикой, этому не противоречит. Теперь дело за дальнейшим развитием судебной практики, аккуратным применением принципа «эстоппель» и оценкой баланса интересов сторон подобно тому, как в рассмотренном в статье деле судом был оценен ущерб от возможного банкротства компании в ситуации применения эстоппеля. 11

¹¹ Например, раздел «е» (с. 770) и раздел «л» (с. 793) комментария к ст. 10 ГК РФ // Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса. — Том 5. — Комментарий Карпетева А. Г., Федорова Д. В. —